

МОЯ ПЕРВАЯ
ШКОЛЬНАЯ
ЛЮБОВЬ

Светлана Лубенец

Классная любовь

«ЭКСМО»

2014

Лубенец С. А.

Классная любовь / С. А. Лубенец — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71559-6

Он красив, словно сын падишаха! В физико-математическом 9 «А» всего-то шесть девчонок – и каждая влюблена в Исмаилова, который недавно пришел в их класс... Люда Павлова понимала, что шансов понравиться этому красавцу у нее нет: с ее-то нестандартной фигурой и немодной одеждой. А то, что она – настоящий компьютерный гений, Исмаилова интересует меньше всего! Другое дело Арина – фотомодель, с которой он целовался на глазах у Люды... Но только почему же именно в Людином дневнике оказалось написанное стихами объяснение в любви? Ведь ни одна девчонка в классе не сомневается, что автор стихов – новенький...

ISBN 978-5-699-71559-6

© Лубенец С. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Лубенец

Классная любовь

© Лубенец С., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Сногсшибательная новость

Ее звали Людой. Имя было скользкое и хрусткое, как льдинка или карамелька. А еще оно в нынешние времена было довольно экзотичным, потому что девчонок вокруг звали Оксанами, Полинами, Анастасиями и Дарьями. В параллели девярых классов было целых четыре Дианы, три Анжелы, две Кристины, а Людмила – всего лишь одна, именно она – Люда Павлова. Она считала, что имя ей не подходило. Людмила должна быть худенькой и ломкой, как сосулька, а ее фигура напоминала песочные часы, с весьма утяжеленной нижней половиной. А вы только попробуйте представить себе Людмилу, спасенную Русланом, в виде песочных часов, крутобедрой восьмерки с открытки к Женскому дню или, например, шахматной пешки. Что? Не получается? То-то и оно! Под такой и богатырский конь дрогнет! Одно приятно – Черномор не позарится!

Конечно, Люда пыталась бороться с этим «пышным недостатком». Она перепробовала всяческие диеты: яблочно-творожную, овощную, геркулесовую и даже такую, которая включала в себя одну лишь минеральную воду. Ну и что вы думаете? Она худела. И здорово худела. Только отнюдь не в проблемном месте, а всем телом – и проклятые бедра все равно выпирали. С тонкой длинной шеей и поникшими от строгих диет плечами она напоминала себе уже не песочные часы, а унылый немодный бабушкин графин, в котором та держала лечебную серебряную воду. В графине Людиного тела булькала не вода, а горькое разочарование от сознания собственной ущербности. Ей бы жить в каком-нибудь восемнадцатом веке, когда женщины носили платья, утягивающие талию и с огромными пышными юбками на каркасе из китового уса. А куда, скажите, пожалуйста, в двадцать первом веке можно спрятать широкие бедра? Да никуда! Конечно, Люда ходит в джинсах. Без этого сейчас никак да, признаться, в юбках она выглядит еще хуже... Сверху джинсов она всегда вынуждена надевать длинную спортивную куртку свободного покроя или объемные удлиненные джемпера со свитерами. А летом? Какой ужас – жить летом! Она не могла позволить себе обтягивающие маленькие футболочки, топики, шортики, мини-юбочки и парилась все в тех же джинсах и длинных, пенсионерского фасона блузках. К подобному наряду, естественно, не подходила модельная обувь на высоком каблуке, и Люда никогда не пробовала ходить в таких туфлях и босоножках. Чаще всего она носила кроссовки. Даже на дискотеки, куда ее одноклассницы являлись разряженными в пух и перья, она приходила в туфлях на низком каблуке и все в тех же длинных блузках, только вместо джинсов надевала шелковые черные брюки. Стоит ли говорить, что на медленные танцы ее никто и никогда не приглашал?

Людмила пыталась уверить себя в том, что все дело именно в ее отвратительной фигуре, но когда прямо перед ее носом Муська Чернова висла на Павлике Румянцеве или Игоре Одинцове, Люде волей-неволей приходилось искать в себе и другие изъяны. Муська Чернова была довольно-таки толстой девчонкой. У нее широкими были не только бедра. Широкой она была вся, но почему-то на предмет этого совершенно не расстраивалась. Муська носила обтягивающие бежевые джинсы стретч, и ноги ее при этом представляли собой толстый, слегка покосившийся от тяжести верхней части тела «икс». На дискотеки она приходила в короткой, кислотно-малинового цвета майке, из-под которой на джинсы вываливался сливочно-желтый пухлый живот. На всяческие развлекательные мероприятия, на которых девчонки хотят выглядеть особенно красивыми, танкоподобную Муську обычно носили сумасшедшей высоты каблуки. Да и в школу она хаживала в туфлях на неслабых платформах и в узеньком свитерочке, под которым можно было очень легко сосчитать все жировые складки на ее животе. Люда терялась в догадках, почему Чернова, имея такое немодное тело, оставалась необыкновенно жиз-

нерадостной, дружила со всеми парнями в классе, никогда не стояла у стеночки на дискотеках и даже, говорят, уже целовалась с десятиклассником Егоровым. Люда иногда представляла себя в Муськином прикиде и понимала, что никогда не сможет так вырядиться. Все-таки у нее со вкусом все в порядке. Лучше выглядеть скромно и серо, чем по-клоунски смешно.

...Люда бросила взгляд в зеркальную стену торгового центра, мимо которого проходила. Вот вид сбоку у нее в полном порядке! Одна элегантная французская коса ниже лопаток чего стоит! Только она одна в классе умеет на собственном затылке заплетать такую косу вслепую. Люда иногда делала такую прическу другим девчонкам, но у них коса почему-то не держалась так красиво и ровно, как у нее. Или вот если посмотреть сбоку на ноги, то они выглядят совсем даже не короткими и... вполне... стройными. Но если стать перед зеркалом прямо... Нет, не надо становиться. К чему? Она и так очень хорошо знает, что при этом увидит.

Люда завернула за угол торгового центра, уже не заглядываясь в его зеркала, быстро пробежалась по асфальтовой дорожке к своему дому и юркнула в подъезд. Из соседней квартиры навстречу ей вышел Вова Пономаренко, который учился в параллельном классе. Вова был примерно такой же толщины, как Муська Чернова, но выглядел еще более монументально, потому что был гораздо выше ее ростом.

– Здорово, – весьма невнятно пробубнил Пономаренко, поскольку рот его был занят бутербродом.

– Все ешь! – вместо приветствия бросила ему Люда и полезла в сумку за ключом. – Скоро в лифт не пролезешь.

– Сколько раз можно говорить, буду я есть или нет – значения не имеет, поскольку моя толщина запрограммирована на генном уровне! – Вова со смаком проглотил кусок, а оставшуюся часть бутерброда спрятал себе за спину, будто Люда собиралась у него его отобрать.

– Жрать меньше надо! – довольно грубо заметила ему она и вставила ключ в замок. – Хочешь, диету одну дам?

Вова быстро запихнул в рот бутерброд и кивнул, роняя изо рта себе под ноги крошки белого хлеба.

– Ну-ка быстро жуй! – скомандовала девочка, распахнув дверь в квартиру. – Нечего у нас мусорить!

Пономаренко послушно прожевал, зашел в коридор и попросил запить.

– Ну, Вовка! Ты как-нибудь подавишься своими бутербродами, если я не окажусь рядом! – рассмеялась Люда и принесла ему из кухни стакан компота и сложенный пополам листок из тетради в клеточку.

– Да на такой диете в два дня ноги протянешь! – возмутился Пономаренко, прочитав список продуктов, состоящий из двух наименований, и в один глоток осушил стакан.

– Красота, Владимир Сергеевич, требует жертв!

– Ну... Не таких же! Я еще пожить хочу!

– Да ты, Вовка, со своими отложениями, – Люда чувствительно ущипнула его за жирный бок, – можешь месяц вообще ничего не есть. И не помрешь!

– До чего же ты, Людка, кровожадная! И чего ко мне цепляешься?

– Больно надо мне к тебе цепляться! Иди, куда шел, раз диета не нравится. Я обедать буду! И не смотри на меня завидующими глазами! Тебе не дам!

– Да я вообще-то... обедал уже... И никуда не шел... Так просто вышел... – монотонно бормотал Пономаренко, следя за тем, как Люда достает из холодильника кастрюльки со сковородками.

– Ладно, поняла, – усмехнулась она. – Полтарелки супа налью. У нас сегодня свежие щи. Я знаю, ты любишь. И больше ничего не клянчи!

Обрадованный Пономаренко мгновенно подсел к столу и даже принялся нарезать хлеб.

Они с Людой состояли в близких приятельских отношениях, потому что с рождения жили бок о бок в соседних квартирах. Они лепили куличики в одной песочнице, посещали одну группу детского сада, регулярно ходили друг к другу на дни рождения и даже три первых учебных года провели за одной партой. В пятом классе им пришлось расстаться, потому что все классы их параллели реформировали в другие в зависимости от способностей учащихся. Люда теперь грызла гранит науки в «А» – самом сильном классе с дополнительной физико-математической подготовкой, а Пономаренко – в «Г» – обычном, общеобразовательном. Люда часто решала за Вову задачки по геометрии и физике, примеры по алгебре, помогала с информатикой и даже иногда чертила чертежи. Пономаренко, гуманитарий душой, писал за нее сочинения по литературе, рефераты по истории и иногда переводил английские тексты. Они были довольны друг другом и считали себя почти родственниками.

Когда Вовина тарелка опустела, он сладко зажмурился и сказал:

– Щи у вас, Людка, супер! Моя маман такие не умеет варить. Кастрюлю бы съел!

– И не надейся! – усмехнулась Люда и на всякий случай убрала от него подальше тарелочку с хлебом.

– Да это я так... к слову... Я тебе сейчас за эти щи такую новость скажу: умереть – не встать!

– Да что ты там скажешь! – отмахнулась от него Люда, составляя тарелки в раковину. – Все твои новости у тебя на лице написаны. Небось «четвертак» по физике отхватил? За те задачи, что вчера решали?

– При чем тут физика с дурацкими задачами, когда Сеймура к вам в класс переводят!

– Как это переводят? – удивилась Люда.

– Так это! Для исправления!

Новость, которую так торжественно поведал Пономаренко, действительно оказалась до того сногшибательной, что от нее вполне можно было умереть и не встать.

– Ты хочешь сказать, что Сеймур Исмаилов будет учиться в нашем классе?

– Именно это я тебе уже и сказал!

– Ничего не понимаю... Как же он с нашей математикой справится?

– Ну... не знаю... Как-нибудь справится... А если не справится, может, перестанет выпендриваться! У нас он считает себя самым крутым, а у вас его мигом пообломают! Один Влад Кондратюк чего стоит!

– И все-таки непонятно... Почему его переводят?

– Я же сказал: для исправления! Достал уже всех! Похоже, что на прошлом педсовете решили провести с ним такой педагогический эксперимент.

– А если он не согласится?

– Да кто его будет спрашивать! Не согласится – из школы вообще вышибут!

– Слушай, Вовка, а что он такого сделал, чтобы из школы... ну... как ты говоришь, вышибли?

– Вообще-то не знаю. Только по его персоне даже специальное родительское собрание проводили и что-то там решали, представляешь?

– Ну и что твои родители говорят?

– В том-то и дело, что ничего! Молчат! Рыбами! Говорят – не моего ума дело!

– Ну а ты?

– А я не дурак! Я говорю: если вы мне не скажете, что он натворил, то я по нечаянности тоже могу такое же сделать, и вы же будете виноваты, что не предупредили!

– А они?

– А они глаза выпучили и сказали, что у меня ума для этого не хватит и повода не будет.

Растерянная, Люда даже забыла, что кормить Пономаренко больше ничем не собиралась. Она навалила ему полную тарелку макарон с сыром, чему он несказанно обрадовался и тут же принялся уплетать их за обе щеки.

– Неужели ничьи родители вашего класса так и не проболтались?

– Представь – ничьи!

– Да что же он мог такого ужасного натворить? – удивилась Люда, вяло ковыряясь в тарелке с макаронами. У нее совершенно пропал аппетит.

Сеймур Исмаилов был очень красивым парнем, с особенной, соответствующей его имени и фамилии восточной внешностью. Он напоминал Люде сказочного сына падишаха или, на худой конец, визиря из «Тысячи и одной ночи». У него были удлинённые, густо-вишневого цвета глаза, прихотливо вырезанные яркие губы, смуглая матовая кожа и шапка иссиня-черных, густых и блестящих волос до плеч. Все девчонки их параллели сохли по Сеймуру и падали ему под ноги осенними листьями. Исмаилов не обращал на них внимания, не глядя проходил мимо. Рядом с ним ни разу не видели ни одной девчонки. Но они тем не менее надежды пройти с ним рядышком хотя бы по школе не теряли.

Конкуренцию Сеймуру составлял только вышеупомянутый Людин одноклассник Влад Кондратюк, голубоглазый гигант с темно-каштановыми глянцевыми кудрями. Он тоже нравился многим девчонкам, но яркая экзотичность Исмаилова притягивала больше.

– Ну... Вообще-то у Сеймура отвратительные отношения с нашей классной, Элеонорой, – сказал Пономаренко. – Совершенно непонятно, на какой почве. Они все время цапаются. Кто кого больше ненавидит, я даже тебе и не скажу. Он ей хамит, дерзит и чуть ли не посылает в разные места. Она иногда не выдерживает и тоже срывается. Честно говоря, слушать их обоих противно!

– Подумаешь, с классной не сошелся характерами! Это, Вовка, явление довольно распространенное. Мы от своей Антонины тоже не в восторге! А Румянцев даже клялся, что, как только девять классов закончим, он ей на выпускном прямо в шампанское мышьяку подсыплет.

– Мышьяк – это ерунда! Детский сад! Где он его достанет? А у нас вот что недавно произошло! Представь, приходит Элеонора на урок и говорит, что все контрольные тетради, в которых мы диктант из РОНО писали, пропали и нам придется диктант переписывать. Мы сначала обрадовались, потому что все ошибки уже обсудили, в учебники посмотрели и явно написали бы лучше. А она заявляет, что текст и задания будут другими. Тут уж мы стали возмущаться и требовать объяснений, куда делись наши тетради.

– Ну! А она?

– А она говорит, что на нее в подъезде напал кто-то... ну... вроде маньяка... И сумку с диктантами отобрал. Представляешь?

– Странные нынче маньяки пошли, – улыбнулась Люда.

– Ну! И мы ей про то! А Исмаилов ядовито так и говорит: «Может, он у вас теперь еще и выкуп требует в размере десяти тысяч кусочков мела?» Мы так и покатались со смеху... А она вся покраснела, закричала, что никто не смеет так с ней разговаривать... И все такое...

– А Исмаилов?

– А Исмаилов возьми да и скажи: «Не верьте ей, ребята! Она наверняка на наши диктанты борщ пролила, а бедному маньяку теперь за нее отдуваться!» Ой! Что тут началось! Элеонора завизжала, чтобы Исмаилов класс покинул и без матери не являлся, а Сеймур с таким понтом вышел, что чуть дверь с петель не снес!

– А диктант переписали?

– Пока нет, но директриса приходила, лекцию о нормах поведения в школе прочитала и сказала, что еще перепишем как миленькие.

– Может, из-за этого случая Исмаилова и решили перевести к нам?

– Вряд ли. Уж сколько всяких таких случаев было. Я же говорил, они без конца с Элеонорой цапаются. И потом... Он же ничего не сделал. Подумаешь, непочтительно с классной говорил! Сама виновата: тетради куда-то дела, а мы – переписывай! Младенец и тот не поверит про такого припадочного маньяка. По такому поводу не родительские собрания и педсоветы собирать надо, а самой Элеоноре сделать хорошую выволочку! Беречь надо тетради с контрольными! Нам, видите ли, домой их не дают, чтобы родителям пятерки показать, а учителям почему-то все можно! Зачем диктанты домой тащила? Проверяла бы в школе!

– Наверно, ты в чем-то прав, – согласилась Люда, посмотрела на его пустую тарелку, чуть припорошенную тертым сыром, и покачала головой: – Ну, Вовка, по-моему, ты все-таки опять наелся от пуза! Наверно, специально мне зубы заговаривал, чтобы натрескаться побольше!

– Ничего не специально... Но ты согласишься, что новость стоила какой-то жалкой тарелки макарон!

– Пожалуй.

– Может, она еще и на стаканчик компотика потянет, а?

– Ты уже пил!

– Так это когда было? Надо же запить макароны!

– Ага! Знаю я тебя! Тебе сначала запить, потом заесть, потом снова запить, потом опять заесть!

– Ладно, Людка, не жмись! Все равно уж наелся! Дай компотика, а?

– На! – Она шлепнула на стол перед Пономаренко стакан. – Пей и выметайся! Нам уроков задали – пропасть! Особенно по физике!

– Люсенька... А ты не могла бы... – вкрадчиво начал Вова, и Люда моментально поняла, что ему надо.

– Люсенька решит тебе физику только в обмен на английский! – строго оборвала его она.

– Заметано! – обрадовался Пономаренко. – Какая страница?

– Посмотри у меня в дневнике и катись отсюда!

Закрыв за Вовой дверь, Люда пошла мыть посуду. Она намылила тарелку и замерла с ней над раковиной. Если все, что сказал Пономаренко, правда, то Исмаилова посадят с ней, потому что в классе больше нет ни одного свободного места. С тех пор как Вова перешел в другой класс, она уже пятый год сидела за партой одна, к чему давно привыкла. Со всеми девочками класса она находилась в ровных приятельских отношениях, но душевных подруг у нее не было. Это ее нисколько не расстраивало. Люда была одиночкой по натуре. Вовы Пономаренко ей вполне хватало, чтобы обсудить школьные дела, телевизионные фильмы, книги, компьютерные игры и бесцеремонно выгнать его из квартиры, как только обсуждать это ей надоест.

Она положила недомытую тарелку в раковину и прошла в комнату к зеркалу, роняя с мокрых рук мыльные капли. Ну, вот она – Людмила Павлова, ученица 9-го «А» с физико-математическим уклоном: гладкое невыразительное лицо со светлыми бровями и ресницами и бледным тонким ртом. Она никогда не красилась, с тех пор как, однажды попробовав, оказалась себе такой же вульгарной, как Муська Чернова. Далее идут узкие покатые плечи, которые, возможно, хороши были бы для декольтированных платьев все того же восемнадцатого века, но никак не для современных футболок, топов и спортивных курток. Что касается талии, то она, довольно тонкая, была бы хороша, если бы за ней следовали узкие бедра. Поскольку бедра были, как уже говорилось выше, далеко не узкими, то талия казалась чересчур тонкой, рюмочной, а потому несвоевременной. Люда мыльными руками сдернула с кресла накидку и обернула тяжелую гобеленовую ткань вокруг талии. Вот так совсем другое дело! Ей надо ходить в длинных юбках, потому что в них она кажется почти такой же тонкой, как Аринка Дробышева. Кстати, Аринка иногда приходит в школу в длинной узкой юбке с разрезом. Может быть, и ей, Люде, попробовать? Нет... Она и ходить-то в таких нарядах не умеет... И обувь нужна другая. И вообще, класс завалится в коллективный обморок, если она вдруг снимет джинсы и

припрется в юбке с разрезом до бедра. Все сразу решат, что она это сделала специально для Исмаилова.

Глава 2

Бомба замедленного действия

Классная руководительница 9-го «А» с физико-математическим уклоном сидела перед директрисой и очень нервно оправдывалась:

– Ольга Константиновна, не мне вам объяснять, что мои дети – не гуманитарии! Сочинения – это не их профиль! Но они всегда участвуют в олимпиадах и по математике, и по физике, и по химии. И, заметьте, всегда получают кучу дипломов и грамот! А информатика! Уже несколько лет мои дети держат первые места по Петербургу! В этом году, думаю, мы вообще сразим комиссию наповал! Людочка Павлова, такая светлая головка, будущий гений программирования, придумала потрясающую компьютерную игру. Они с Кондратюком уже разрабатывают второй уровень... или уже третий... Ну, неважно! Графика, конечно, не очень... Не художники они – это ясно... Зато все остальное, как сейчас говорят, – просто супер!

– И тем не менее, Антонина Петровна! – продолжала гнуть свою линию директриса, совершенно не вдохновившись компьютерными достижениями светлой головки Людочки Павловой. – Вы же знаете, что негуманитарные вузы в ближайшее время собираются изменить подход к экзамену по русскому и литературе. В стране развелось такое количество полуграмотных людей, что порой противно слушать дикторов Центрального телевидения, читать прессу и даже иногда – школьные учебники! А 9-й «А» – это наша гордость и надежда! Они должны успевать по всем предметам, и я настоятельно требую, чтобы они приняли участие в школьной олимпиаде по русскому языку и литературе. Вы же в курсе, что городская олимпиада имеет творческую секцию, куда дети представляют свои рассказы, эссе, стихи, наконец! Такие же конкурсы мы предусмотрели и в нашей школе. 8–9-е классы – самый расцвет школьной любви, и я не поверю, что никто в 9-м «А» не пишет о ней стихов!

– Скорее писали! Раньше, когда были маленькими. Румянцев еще в пятом классе родил что-то вроде:

Леденит мальчишью кровь
Безответная любовь!

Кажется, так...

– Вот видите! Для пятого класса это почти что Пушкин! И я просто уверена, что сейчас Румянцев может сочинить что-нибудь и получше!

– Ну нет, – усмехнулась руководительница 9-го «А». – Его нынешний жанр – это исключительно объяснительные записки, типа «Почему я плохо веду себя на уроке биологии»!

– Работать надо с детьми, Антонина Петровна! Поговорите с Юлией Владимировной, их учительницей русского! К концу недели вы вместе с ней просто обязаны выявить в 9-м «А» поэтов или прозаиков! Вот, видите, я записываю у себя на календаре, что в следующую среду жду вас с Юлией Владимировной у себя в кабинете со списком учащихся 9-го «А», которые примут участие в олимпиаде по русскому с литературой сначала в школе, а потом и в городе! Идите и работайте!

Антонина Петровна вышла из кабинета директора школы в очень удрученном состоянии. Где взять поэтов с прозаиками, если почти все ее девятиклассники серьезно занимаются математикой, ездят на подготовительные курсы колледжей и даже на малые факультеты вузов и у них почти совсем не остается свободного времени! Ну, ладно... Литература может еще и подождать, по крайней мере сегодня. Сейчас ей, Антонине Петровне, предстоит еще одно не менее неприятное дело: знакомство с новым учеником Сеймуром Исмаиловым и ввод его в

коллектив 9-го «А» класса. На педсовете она выступала против такого странного, на ее взгляд, педагогического хода, когда в хороший класс намеренно суют проблемного подростка. И это уже не говоря о том, что он не сможет успевать за усложненной программой 9-го «А». Этот Сеймур – та самая ложка дегтя, которая способна испортить бочку меда. Она, Антонина, пестовала свой 9-й «А» уже пятый год, любила этих детей как своих собственных, и вот теперь ей подкладывают бомбу замедленного действия в виде Исмаилова, писаного красавца и, похоже, крупного негодяя.

Классная руководительница физико-математического класса вздрогнула от звонка на урок, забежала в учительскую за журналом и поспешила на второй этаж к своему кабинету. Писанный красавец, негодяй и бомба замедленного действия стоял у окна рекреации и смирно ждал ее. Антонина Петровна окинула его критическим взглядом. Да, высок, хорош собой. Чересчур хорош. Сказочно даже. Прямо Ратмир из «Руслана и Людмилы». Пожалуй, девчонки перестанут нормально учиться... Она подошла к новому ученику и положила руку ему на плечо. Исмаилов нервно дернулся, сбросил ее руку и опалил огненным взглядом ярких глаз. Антонина Петровна в ответ так же нервно дернулась и поняла, что ее ждут далеко не лучшие времена.

– Заходи, – сказала она, открыв дверь кабинета.

Исмаилов зашел в класс с независимым лицом и руками, сунутыми в карманы стильных черных штанов, названия которых Антонина Петровна не знала.

9-й «А» с интересом следил за учительницей и Сеймуром. По порозовевшим девчоночьим лицам и блестящим глазам, по настороженно прищуренным – мальчишеским классная руководительница поняла, что все уже были в курсе перевода Исмаилова и ждали их прихода.

– Вот, – Антонина Петровна кивнула на бомбу замедленного действия, уже не решаясь положить ему руку на плечо, – в нашем классе теперь будет учиться Сеймур Исмаилов.

– Да ну?! – не утерпел Румянцев. – А он таблицу умножения-то хоть знает?

Класс весело хохотнул.

– Шестью восемь – сорок восемь, шестью шесть – тридцать шесть, – процедил сквозь зубы Исмаилов и смерил его презрительным взглядом.

– Молодец! – похвалил Румянцев, совершенно не прореагировав на выразительный взгляд Сеймура. – Жаль, забыл, что пятью пять – двадцать пять!

– А я тебя проверял, – не остался в долгу Исмаилов.

– Хватит заниматься ерундой! Не в детском саду! – раздраженно прервала их классная руководительница и подумала, что, скорее всего, теперь постоянно будет находиться в подобном состоянии раздражения. – Садись, Сеймур, к Люде Павловой. Видишь, на предпоследней парте свободное место!

Исмаилов, ни на кого не глядя, прошел между рядами и шлепнулся рядом с Людой – и та увидела, как абсолютно все девчонки обернулись назад и посмотрели на нее завистливыми взглядами.

Люда скосила глаза на Сеймура. Его профиль был таким точеным, хоть на монетах чекань. Ей почему-то вдруг сделалось холодно. Она поежилась, отвернулась от него, записала на полях тетради в клетку число и уставилась на доску, где Антонина уже чертила систему координат.

Все уроки Сеймур Исмаилов молчал. Люда видела, что на математике с физикой он не успевает за классом. Его щеки покрывались бордовым румянцем, а к вискам липли тонкие прядки волос. Он покусывал яркие губы, раздувал красиво вырезанные ноздри, но все-таки не успевал. Люда видела оборванные примеры, недостроенные графики, и ей было его очень жаль.

На переменах девчонки 9-го «А» старались кучковаться рядом с Исмаиловым, который не замечал их или делал вид, что не замечает. В конце концов местная красавица Арина Дробышева не выдержала и обратилась к нему:

– Ну и как тебе, Сеймур, в нашем классе?

– Никак! – отбрил ее Исмаилов.

Арина решила не обижаться и продолжила:

– А почему тебя к нам перевели?

– А чтоб тебе было о чем поговорить, – бросил ей он и вышел из класса.

– Подумаешь, какая важная птица! Нацмен! – крикнула ему вслед Арина.

Ответом ей был такой испепеляющий взгляд, что она очень пожалела о последнем вырвавшемся у нее слове.

– Ты, Аринка, язычок-то попридержала бы! – посоветовала ей Надя Власова. – Восточные люди – они горячие!

– Да какой он восточный? Полукровка! Метис! У него мамаша русская, а отец то ли кореец, то ли китаец, а может, вообще какой-нибудь из наших... бывших... Киргиз или казах.

– Это не имеет значения, – покачала головой Надя. – Честно говоря, я таких красивых людей вообще еще не встречала.

– Можно подумать, что ты очень много повидала за свою многотрудную пятнадцатилетнюю жизнь, – усмехнулась Дробышева.

– Много не много, а телевизор регулярно смотрю, журнальчики модные разглядываю и в Интернет, бывает, выхожу! Вот честное слово, по Сеймуру Исмаилову Голливуд плачет! Слышь, Людмила, – Надя обернулась к Павловой, – как он тебе?

– Кто? – переспросила Люда, хотя прекрасно поняла, о ком идет речь.

– Кто-кто!! Ясное дело – Исмаилов! Как он? Чего говорит?

– Ничего не говорит. Молчит.

– А ты?

– Что я?

– Сама с ним поговори!

– Я?... А о чем с ним разговаривать?

– Ну... Придумай что-нибудь! Попроси химию списать.

– С ума сошла! Мы же уже по учебнику десятого занимаемся! – возмутилась Люда и почему-то покраснела.

– Да это я так... к примеру... – с досадой махнула рукой Надя. – После химии русский будет, так ты можешь, например, спросить, как он знаки в упражнении расставил. Русский нам одинаково преподают: программа одна и та же.

– Может, им другое упражнение задавали... – засомневалась Люда.

– Вот и завяжи разговор: мол, то... да се... да ой-ой-ой... А я, мол, и не догадалась, что упражнения могут быть разными! Главное, не теряйся! Ты у нас девушка-краса, длинная коса! Мусульмане – они на таких ведутся!

– С чего ты взяла, что он мусульманин? – подскочила к Наде Дробышева. – Ты это точно знаешь?

– Ну тебя, Аринка! – рассмеялась Власова. – Это я так... Откуда мне знать, какого он вероисповедания! Может, он вообще воинствующий атеист!

После уроков к Люде домой опять появился Пономаренко.

– Ну как Сеймур? – спросил он прямо с порога.

– Нормально, – ответила Люда.

– С кем посадили?

– Представь, со мной.

– Да ну! А почему?

– Ты же знаешь, что я с пятого класса одна сижу за партой. Других свободных мест нет. Пономаренко Людино сообщение явно не понравилось.

– Могли бы и рокировку какую-нибудь провести! – недовольным голосом заметил он. – Посадили бы к Кондратьюку, чтобы тот его сразу под свой жесткий контроль взял.

– Чего его брать? Сидит себе тихо – никого не трогает.

– И что, скажешь, не выступает?

– Говорю же, сидит тихо. Молчит.

Вова с трудом запихнул свое большое тело в кресло, сложил руки на пухлом животе и заключил:

– Это он пока молчит. Пока не привык.

– А что он обычно делает, ну... когда привыкает?

– Говорю же, выступает: высмеивает всех, издевается.

– Знаешь, Вова, – Люда с сожалением окинула взглядом огромную фигуру Пономаренко, плотно сжатую со всех сторон маленьким креслом, – если он смеялся над тобой, то... ты, конечно, извини, но он прав!

– Да? – Вова хотел резво вскочить, но изящная мебелина не позволила. Он еще пару раз дернулся и счел за лучшее остаться внутри кресла. – И это говоришь мне ты, которая... для которой... С которой я провел все свое детство. – Он не договорил и безнадежно махнул рукой.

– Да, Вовка, именно я это и говорю, и всегда говорила, что если ты не перестанешь трескать все подряд десять раз на дню, то над тобой будут издеваться все, а не только Исмаилов! И не вздумай мне ничего говорить про свои гены, – не дала она вырваться возражениям из Вовиной широкой груди. – Нормальные у тебя гены, как у всех. И родители у тебя нормального объема!

– Ты просто не видела мою бабушку, которая в Могилеве живет! – затравленно пролепетал Пономаренко, но Люду его жалкий вид не остановил:

– Сто раз уже видела ее фотографию! Забыл, что ли? Не будешь же ты всю жизнь предъявлять всем для оправдания портрет своей могучей бабушки из Могилева! В общем, так: с завтрашнего дня начинаем бегать по утрам! Мне тоже не повредит!

– Как это по утрам? Утром же в школу надо! – Пономаренко так огорчился, что пробкой выскочил из сжимавшего его кресла. – Утром – это я не согласен! Во сколько же надо вставать, чтобы бегать?

– Всего на полчаса раньше! – продолжала наступать на него Люда.

– Это что же... В половине седьмого, что ли? – В Вовином голосе слышался уже настоящий ужас.

– Вот именно! Всего в половине седьмого! Не помрешь!

– Нет, Люсенька... Ты, конечно, извини... Ты знаешь, что я для тебя на многое готов, но не на такое...

– Тогда и не жалуйся, что над тобой издеваются!

– Да я ж только тебе пожаловался, как другу, а ты... Эх ты!

– Вовка, скажи, – решила вдруг Люда. – Тебе ж в прошлом месяце уже пятнадцать исполнилось! Неужели тебе до сих пор ни одна девочка не нравится... в классе там... Или еще где?

– Почему не нравится? – залился здоровым румянцем Пономаренко. – Ты мне, например, всегда нравилась...

– Я – это другое! Я не считаюсь! Мы – просто друзья детства. А по-настоящему тебе кто-нибудь нравится, ну... чтобы страдать... ну... Словом, неужели ты еще ни разу не влюблялся?

– Слушай, – насторожился Пономаренко, – а почему ты про это спрашиваешь? Неужели уже успела в Исмаилова втрескаться?

– С чего ты взял? – вздрогнула Люда.

– С того! У нас все девчонки от Сеймура в отпаде! Только имей в виду, Людка, что он ненавидит весь ваш женский пол скопом. Не знаю, кто уж его так довел, может, кстати, и Элеонора, а только... и не рассчитывай, понятно?

– Ничего я и не рассчитываю... Не говори глупостей! А спросила я для того, чтобы предупредить!

– О чем? – Вова упер свои мощные руки в крутые бока и стал похож на великана Горыню с обложки Людиной детской книжки русских народных сказок.

– О том, что если ты вдруг захочешь взаимности от девочки, которая тебе понравится, то... Тоже, знаешь, не рассчитывай!

– Это почему же?

– Все потому же! Худеть надо – вот почему! Сам же сказал, что все ваши девчонки от Сеймура в отпаде. Вот и представь: из такого, как ты, пятерых Исмаиловых можно сделать!

– Неужели вы все такие? – с презрением процедил Пономаренко и опять зачихнул в кресло.

– Какие?

– Такие! Вам только красавчиков подавай, чтобы глазки, бровки, щечки! А настоящие мужчины вам, значит, не интересны?

– Настоящие мужчины – они тоже других размеров!

– Да? А как же штангисты? Метатели молота?

– По-моему, ты не штангист и не метатель! Ты бы еще борцов сумо вспомнил! Среди них ты, пожалуй, и затерялся бы.

– Ладно, Людмила! Я думаю, будет и на моей улице праздник! – обиженно пробурчал Пономаренко. – Я думаю, найдется такая, которая не посмотрит...

– Я тебе, Вовка, от души желаю, чтобы нашлась, но все-таки... на твоём месте... Подстраховалась бы!

Поскольку разговор таким образом перетек в мирное русло, Пономаренко спросил:

– Люд, а вас заставляют стихи с рассказами писать на школьную олимпиаду по русскому или не пристают, поскольку вы все крутые математики?

– Еще как пристают! Сегодня наша Юлия пол-урока трещала о том, что мы должны гармонично развиваться, что должны не только примеры решать, а еще и приобщаться к великому и вечному.

– Ну и как?

– Что как?

– Ну... будешь приобщаться?

– Издеваешься, да? Я же без тебя ни одного сочинения не написала!

– А на уроке?

– На уроках, конечно, приходилось, но больше «тройка» я никогда не получала.

– Значит, не будешь?

Люда отрицательно покачала головой:

– Нет, мне совершенно неинтересно рассуждать на тему «Фамусовское общество» или, к примеру, почему Софья влюбилась в Молчалина.

– Неужели у тебя нет на этот счет собственного мнения?

– Откуда оно у меня может быть, если я не жила в этом ископаемом фамусовском обществе! Сейчас уже какой век? Двадцать первый! А пересказывать на пяти страницах, что на этот счет написано в учебнике или что думает наша литераторша, – честное слово, скучно и времени жалко!

– Да я не про это... Я про Софью с Молчалиным... Ну почему она в него влюбилась, как ты думаешь?

– Думаю, что у нее выбора не было. Она же в четырех стенах сидела: школу не посещала, на дискотеки не ходила, в подъездах не тусовалась...

– Скажешь тоже! – не согласился с ней Пономаренко. – Балы небось покруче дискотек были!

– А ты вспомни, какие на балу у Фамусова «уроды с того света» собирались! И потом, балы, наверно, не часто случались. А Молчалин – единственный из молодых в окружении Софьи и постоянно рядом. В кого же ей еще было влюбляться?

– Я вот тоже постоянно с тобой рядом, между прочим, – заметил Вова и очень выразительно посмотрел на друга детства, – и тоже молодой! Чего же ты в меня не влюбляешься?

– Софья с Молчалиным в одной коляске не ездила. Он ей на новенького, понял?

– Ну... допустим... Убедила про Молчалина. А как остальные ваши? Будут участвовать в олимпиаде?

– Не знаю. Девчонки вроде вдохновились стихами про любовь. Может, чего и напишут. А парни – вряд ли. Хотя... кто его знает... Я с ними не очень общаюсь... Только с Кондратюком, да и то из-за игры.

– Ну и как игра? Двигается?

– Двигается! Сейчас буду переход на третий уровень разрабатывать, а Владик должен над всяческими препятствиями подумать.

– Ишь ты – Владик! – передразнил ее Пономаренко. – Это у тебя такие с ним близкие отношения, что он для тебя уже и Владик?

– Дурак ты, Вовка! У него просто имя такое!

– Меня почему-то ты Вовиком никогда не называла!

– Тоже мне Вовик нашелся – в сто килограммов!

– Да твой Владик не меньше весит!

– Он просто высокий.

– Я, знаешь ли, тоже не низкий!

– Все, Вовик, – Люда с издевкой произнесла уменьшительное имя Пономаренко, – ты мне надоел! Брысь отсюда! У меня дел по горло!

– Смотри, пробросаешься мной! Кто тебе сочинения писать будет? Не Владик же! От него, кроме иксов с игреками, ничего не дождешься!

– Куда ты от меня денешься! – рассмеялась Люда. – Сегодня же вечером с химией приползешь!

– А можно? – сразу сменил тон Пономаренко.

– Если сейчас же не уберешься, то будет нельзя, поскольку я не успею!

– Понял! Не дурак! – Вова поднял вверх руки с растопыренными толстыми пальцами, с трудом вытащил себя из кресла и отправился восвояси.

Люда подперла голову обеими руками и задумалась. Сегодня действительно все в классе обсуждали школьную олимпиаду по русскому и литературе. Раньше от них никогда не требовали в ней участвовать. Они всегда готовились только к точным наукам. А сейчас эта олимпиада оказалась в струю. Люда чувствовала, что из-за Исмаилова. Как и одноклассницы Пономаренко, девчонки 9-го «А» вплотную заинтересовались Сеймуром и намеревались, как они говорили, взять сей «Исмаил» приступом. До его прихода в класс «ашники» только и делали, что учились, серьезно и много. Влюбляться и мечтать им было особенно некогда. Учителя даже иногда подшучивали над 9-м «А», что они запаздывают жить и что первая любовь у них всех, возможно, случится не раньше чем лет эдак через сорок. Литераторша Юлия не любила с ними обсуждать любовные сцены классических произведений и говорила, что не представляет, как она будет с такими прямолинейными и прагматичными математиками изучать «Евгения Онегина», где сплошная любовь. Конечно, девятиклассники симпатизировали друг другу, не без этого, но все было как-то спокойно, без драм, слез и выяснения отношений. Влад Кондратюк,

например, вне школы встречался иногда с Ариной Дробышевой, но, похоже, сумасшедшим огнем они оба не горели и, скорее всего, были просто близкими друзьями.

С появлением Сеймура Исмаилова в классе моментально запахло влюбленностью, сплетнями и интригами, а Люда Павлова оказалась в самом эпицентре этого завихрения эмоций. Она вдруг стала нужна всем девочкам сразу, даже Аринка целый день крутилась с ней рядом и явно набивалась чуть ли не в подруги. А как она, Люда, может им всем помочь? Да никак! Исмаилов даже не смотрит в ее сторону и молчит. Конечно, прошел всего лишь один день его пребывания в 9-м «А», но Люда чувствовала, что и последующие дни вряд ли будут серьезно отличаться от сегодняшнего.

Она опять решила посмотреть на себя в зеркало. Девица-краса, длинная коса? Какая там краса? Она никогда не понравится Сеймуру Исмаилову. Такие принцы не для нее. Не стоит и мечтать.

Люда включила компьютер и принялась за игру, которую они с Владом Кондратюком собирались выставить на олимпиаду по информатике. Вообще-то игру изобрела она, Люда, но Кондратюк, поднаторевший, как все парни, на компьютерных играх, здорово придумывал всякие препятствия, которые надо было преодолеть герою. Героя, маленького смешного человечка в очках, они назвали Лювликом, соединив первые буквы своих имен с суффиксом – ик. Лювлик, пройдя три уровня, должен был отыскать сокровища, которые представляли собой сундучок с тремя логическими задачами, которые тоже придумала Люда, а Кондратюк усовершенствовал – одну из них очень красиво упростив, а другую, наоборот, запутав так, что изобретательница сама с трудом ее решила.

Принципиальное отличие этой игры от обычных состояло в том, что все трудности и препятствия, с которыми надо было справиться герою, имели еще и физико-математическое воплощение. Например, если Лювлик скатывался в глубокую яму, то, чтобы выбраться из нее, он должен был за минимально короткое фиксированное время решить в уме задачу: какое количество материалов различной плотности понадобится, чтобы заполнить ее до краев. Как и в обычной игре, ловкость могла помочь Лювлику благополучно избежать попадания в яму. Кроме того, можно было выкупить себя за счет очков, набранных на других этапах. Были в игре задачи и попроще, и посложнее. Одни, как задача про яму, должны были быть решены в уме, на решение других отводилось до двадцати минут, к третьим прилагалось решение, но надо было найти другой способ.

Люда с Владом проверяли первые два уровня на своих одноклассниках. Всем здорово понравилось. Ребята даже соревновались, кто быстрее их пройдет, и вносили в игру свои коррективы. Игра обрастала подробностями, новыми условиями, расширялась, усложнялась, и 9-й «А» уже целых два месяца, прошедших с начала учебного года, жил ею.

Люда как раз вносила в компьютер данные новой задачи для Лювлика, когда в дверь позвонили. Она решила, что Пономаренко тащит свою химию, но это оказался не Пономаренко. Впервые за все годы учебы к ней домой пожаловали целых три одноклассницы: Арина Дробышева, Надя Власова и Муська Чернова, которая нацепила новые серьги до плеч в виде огромных серебристых колец.

– Знаешь что, Павлова, – начала Муська, поскольку была самой бойкой, – ты должна нам помочь!

– Вот как? – удивилась Люда. – И чем же?

– Мы решили устроить дискотеку нашего класса, и ты должна уговорить Исмаилова на нее прийти.

– С ума сошли! Как это я его уговорю, когда он со мной не разговаривает?

– Ну, Людмилочка! – Дробышева взяла Люду под руку и приблизила к ней свое красивое, ярко накрашенное лицо. – Кому же, как не тебе, если ты с ним сидишь?

Люда освободилась от руки Арины и решительно сказала:

– Нет. Я не могу, да и не умею... Он меня и слушать не станет!

– А ты все-таки попробуй, а мы... – начала Надя и осеклась, увидев на экране компьютера Лювлика. – Ты уже на третьем этапе?

Люда кивнула.

– Ой! А можно посмотреть? – пискнула Муська и, не дожидаясь разрешения, бросилась к компьютеру. За ней устремились Арина с Надей.

Все-таки у девочек физико-математического 9-го «А» не было за плечами никакого опыта в любовных делах, а компьютерный опыт давил огромной массой и легко отвлекал от всего остального. И они вчетвером, забыв про сказочного Сеймура Исмаилова, занимались проблемами Лювлика битых три часа. Перед тем как скрыться за дверью квартиры Павловых, Арина Дробышева все-таки напомнила Люде, что она обязана раскатать Исмаилова на дискотеку, поскольку все девочки 9-го «А» на нее очень рассчитывают.

Честно говоря, в физико-математическом классе девочек было всего шесть. Две оставшиеся, которые не явились на дом к Люде Павловой, на Сеймура явно не зарились. Одной была малюсенькая Таня Прохорова, росточком с первоклассницу и одновременно – химический гений, которая, кроме реакций гидролиза, а также окислительно-восстановительных, ничем в жизни не интересовалась. Второй была Настя Ключева, очень некрасивая особа, с большим лошадиным лицом. Возможно, ей тоже понравился Сеймур, но надежды, что он обратит на нее внимание, у нее, как и у Люды, явно не было никакой. Да и вообще непонятно, на что нужна дискотека 9-му «А» при таком малом количестве девочек? Обычно они проводили праздники всей параллелью девятых классов, где все перепутывались. Нет, все-таки у дискотеки, о которой мечтали Надя, Арина и Муся Чернова, не было никаких перспектив.

Глава 3

Старт крупномасштабной любовной атаки

Дни шли за днями. Ни о какой классной дискотеке с участием Исмаилова не могло быть и речи, поскольку он по-прежнему ни с кем не разговаривал: ни с девочками, ни с ребятами. Молча приходил, садился на свое место рядом с Людой, молча переходил из кабинета в кабинет и так же, не говоря никому ни слова, уходил домой. Некоторые перемены он проводил со своими бывшими одноклассниками, но чаще всего его вообще нигде не было видно. Понятно, что такой ореол таинственности, которым он себя окружил, разогрел интерес к его персоне до невероятной температуры.

– Ничего не понимаю, – горячилась Арина. – За что перевели в наш класс такое безобидное существо? Чего только про него не наговорили! Чуть ли не граф Дракула! А что оказалось на самом деле? Благовоспитанный пай-мальчик! Слышь, Людмила, а может, он кусается? Или отщипывает от тебя кусочки по-тихому?

Люда только смущенно улыбалась. Что она могла сказать? Она для Исмаилова не существовала точно так же, как и все остальные. Она чувствовала, что он весь сосредоточен только на том, чтобы догнать класс по математике, но у него пока ничего не получается. Каждый урок был для него мукой, если не сказать – пыткой. Антонина пока не вызывала его к доске, но все понимали, что бесконечно так продолжаться не может. Когда-нибудь выйти к доске и прилюдно опозориться ему все-таки придется. Когда палец учительницы скользил по журнальному списку, Сеймур бледнел и даже несколько раз с треском переламывал то карандаш, зажатый в руке, то шариковую ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.